

Степанова Инга Николаевна

доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Курганского государственного университета

**ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ СЕТЕВЫХ
СТРУКТУР (КОНЦЕПЦИЯ
М. КАСТЕЛЬСА)**

Аннотация:

В статье исследуется концепция М. Кастельса о сетевой форме социальной организации всего общества, возникновение которой ученый связывает с приходом информационного капитализма. Проанализированы его общие особенности и их проявления в сферах экономики и культуры. Сделан вывод, что сегодня социальное поведение в значительной мере детерминируется сетями мультимедиа.

Ключевые слова:

сеть, сетевое предприятие, общество сетевых структур, информационный капитализм, М. Кастельс.

Stepanova Inga Nikolayevna

D.Phil. in Philosophy,
Professor, Philosophy Department,
Kurgan State University

**DETERMINATION OF
SOCIAL BEHAVIOUR
IN THE NETWORK SOCIETY
(M. CASTELLS'S CONCEPTION)**

Summary:

The article deals with the conception of M. Castells about the network form of social organization of the entire society, the emergence of which he connects with the advent of informational capitalism. The author analyses its common features and their manifestations in the fields of economy and culture. It is concluded that social behaviour today is largely determined by the multimedia networks.

Keywords:

network, network enterprise, network society, informational capitalism, M. Castells.

Концепция Мануэля Кастельса, разработанная им в 1996–1998 гг., представляет новую теорию субъекта, альтернативную той, что была создана Аленом Туреном. С точки зрения М. Кастельса, субъектом является сеть: «Первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Как я пытаюсь показать, единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, неперестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам» [1].

Сетевая форма социальной организации всесторонне проникает в структуру всего общества, организуя все процессы в сферах экономики, социальных отношений и духовной культуры. «Подобная сетевая логика, – заявляет М. Кастельс, – влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей. ...Мы вправе охарактеризовать его (*общество*. – И. С.) как общество сетевых структур (*network society*), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием» [2]. В последний период классической социологии существовала функциональная социология Т. Парсонса, которая была социологией систем. Ее сменила социология действия, разработанная А. Туреном, которую М. Кастельс предлагает заменить социологией сетей. Деятельностный подход к обществу снова сменяется системным подходом.

Эти изменения в области теоретической социологии отражают наступление информационной эпохи. До этого в XX в. существовало два наиболее распространенных способа производства: капитализм и социализм, который М. Кастельс именуется этатизмом. В 1980-е гг. происходит внедрение информационных технологий в материальное производство и другие сферы общественной жизни, что приводит к возникновению информационного капитализма. М. Кастельс подчеркивает, что в отличие от индустриальных обществ все информационные общества являются капиталистическими. Общее между ними заключается в том, что «ключевые процессы генерирования знаний, экономической производительности, политической/военной мощи и средств коммуникации уже глубоко трансформированы информационной парадигмой и связаны с глобальными сетями богатства, власти и символов, работающих в рамках такой логики» [3].

Информациональное общество обладает рядом характеристик. Во-первых, «это капитализм в его наиболее чистом выражении, живущий только для денег и ради денег и производящий товары ради производства других товаров» [4]. Во-вторых, деньги здесь переместились из сферы производства в сферу финансов, существующих в сети электронных взаимодействий. В-третьих,

исчезают старая структура труда и определенные рабочие места. В-четвертых, происходят концентрация и глобализация капитала.

В-пятых, исчезает классовая структура общества в ее традиционном понимании. М. Кастельс пишет, что вряд ли к числу капиталистов можно отнести пенсионный фонд, прохожего на улице Сингапура, который вкладывает средства в аргентинский рынок с помощью банковского автомата, менеджера конкретных корпораций, но можно – магнатов глобального масштаба, менеджеров многонациональных корпораций, государственные корпорации, бывшую коммунистическую номенклатуру и молодых «диких капиталистов» в России и т. д. Заклучая этот перечень, М. Кастельс делает следующий вывод: «Но можно ли объединить их в класс? Ни социологически, ни экономически такой категории, как глобальный класс капиталистов, не существует. Вместо него имеется взаимосвязанная глобальная система капитала, движения и изменчивая логика которого в конечном итоге определяют экономику и сказываются на судьбе любого общества. Таким образом, над многообразием буржуа во плоти, объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями» [5].

Этот вывод можно интерпретировать как позицию философского номинализма в его вечном споре с реализмом, но можно и как свидетельство растущей социальной стратификации класса капиталистов. Вместо класса промышленных капиталистов, каким он был в XIX в., появляется множество социальных страт капиталистов. Социальная стратификация происходит и в рабочем классе, социальных группах интеллигенции и служащих и т. д. Внешне это выглядит как размывание границ между классами и ликвидация классов. Имея это в виду, У. Бек [6] называет Германию бесклассовым обществом.

Современный класс капиталистов становится более многообразным, сегментированным, но благодаря существованию транснациональных корпораций и более масштабным, глобализированным. Марксистское понимание классов, относящееся к индустриальному обществу, нуждается в коррекции, однако признаки классов, характеризующие социальное неравенство, сохраняются, что позволяет признавать существование класса капиталистов.

В-шестых, вся сетевая структура общества представляет комплекс взаимосвязанных узлов. Например, «к ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков» [7]. Сети являются открытыми структурами и способны расширяться, включая все новые узлы, обеспечивающие коммуникации в рамках данной сети.

М. Кастельс выделяет два главных признака данной разновидности капитализма: «Она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков. ... В век капитализма сетевых структур настоящая реальность, где делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере» [8]. Таким образом, фондовые рынки и банки приобретают невиданную ранее власть в обществе, занимая первое место в иерархии власти. Второе место принадлежит средствам массовой информации.

М. Кастельс последовательно исследует сетевую организацию материального производства и культуры. По его мнению, в 1970-е гг. происходит крупный водораздел в организации производства и рынков в глобальной экономике. Его свидетельствами стали переход от массового к гибкому производству, работающему под конкретный заказ; кризис крупной корпорации и жизнеспособность организационной структуры мелких и средних фирм, явившихся источниками инноваций; изменение организационной структуры крупных корпораций, матрицей которого стал тойотизм, первоначально возникший в Японии. Одним из важнейших элементов тойотизма является сетевая организация фирм-поставщиков. М. Кастельс описывает ее следующим образом: «*Это мультинаправленная сетевая модель, введенная в жизнь мелкими и средними предприятиями, и лицензионно-субподрядная модель производства под "зонтичной" корпорацией (umbrella corporation)*» [9]. Сетевая модель оказалась эффективной во многих странах, и крупные корпорации, освоившие эту модель, стали «вершинами пирамид обширной сети субподрядчиков».

В результате произошел сдвиг от вертикальных бюрократий к горизонтальным корпорациям, которые М. Кастельс определяет следующим образом: «Горизонтальная корпорация» есть динамическая и стратегически спланированная сеть самопрограммирующихся и самоуправляющихся единиц, основанная на децентрализации участия и координации» [10]. Введение информационных технологий сделало сетевую организацию производства эффективной, и сетевое предприятие стало основной производственной единицей. М. Кастельс описывает восточноазиатские деловые сети в Японии, Корее, Китае, показывая их сходства и различия и обращая внимание как на роль культуры в функционировании и развитии этих сетей, так и на роль государства, ставшего государством развития. Эпоха глобализации привела, по его мнению (это его гипотеза), к тому, что «организационные формы эволюционируют от мультинациональных пред-

приятий к международным сетям, фактически обходя стадию формирования “транснациональных корпораций”... <...> ...Мультинациональные корпорации действительно являются держателями богатства и технологии в глобальной экономике, поскольку большинство сетей структурировано вокруг таких корпораций» [11].

Центральное место сетей в международной экономике ученый объясняет двумя факторами: глобализацией рынков и финансов и технологическими изменениями в связи с устареванием оборудования и необходимостью обновления информации. В этих условиях сети есть своеобразная кооперация затрат и ресурсов и страховой полис против различных ошибок. В связи с этим М. Кастельс делает вывод: «Глобализация конкуренции растворяет крупную корпорацию в паутине мультинаправленных сетей, которая и становится реальной операционной единицей» [12]. Тем самым подвергается критике либеральная концепция вертикальной корпорации, реализованная в англосаксонских странах. Сетевое предприятие, возникшее в азиатских странах, охватывающее международную сеть, оказывается более эффективным и вытесняет мультинациональные предприятия. Международная сеть состоит из множества сетей: семейные сети в Китае и Северной Италии, предпринимательские сети, связанные с инновационными центрами (типа Силиконовой долины в США), коммунальные сети кейрецу в Японии, телекоммуникационные сети и т. д.

Сетевая структура, по М. Кастельсу, характерна сегодня не только для экономики, но и для культуры. Он считает, что сетевое предприятие должно иметь этический фундамент, или «дух информационализма». Из-за множественности субъектов сети он не является новой культурой в виде целостной системы ценностей или совокупности институтов, а составлен из множества культур и ценностей и представляет скорее многоликую виртуальную культуру, учитывающую опыт успехов и неудач прошлого, поступающий в киберпространство. Этот опыт невозможно интегрировать в виде устойчивого социокода: «*“Дух информационализма” есть культура “созидательного разрушения”*» [13]. В отличие от других концепций информационного общества в концепции М. Кастельса утверждается, что «информация и обмен информацией сопровождали развитие цивилизации на протяжении всей истории человечества и имели критическую важность во всех обществах» [14, с. 135].

Согласно М. Кастельсу, современные интерактивные информационные сети есть результат длительного развития культуры от устной традиции к алфавитным формам коммуникации и от них к аудиовизуальной культуре XX в. (кино, радио, телевидение). По словам ученого, «появление новой системы электронной коммуникации характеризуется ее глобальными масштабами, интегрированием всех средств массовой информации, и ее потенциальная интерактивность уже меняет нашу культуру и изменит ее необратимо» [15]. В связи с этим возникает проблема взаимодействия средств массовой информации с культурой и социальным поведением, подготовившего формирование систем мультимедиа и Интернета. Эту новую культуру М. Кастельс называет культурой реальной виртуальности. В современную эпоху телевидения и Интернета все прежние средства массовой информации изменились: радио сохранилось для передач о повседневной жизни людей, «кинофильмы выжили в форме видеокассет», как и музыка в виде музыкального видео, газеты и журналы ориентируются на целевые аудитории, книги стали основой телевизионных сценариев.

Широкое распространение и привлекательность телевидения М. Кастельс объясняет несколькими причинами: обстановка домашнего уюта, недостаток «альтернатив личностного и культурного включения в общение» и замена типографского концептуально-объяснительного мышления чувственно-ассоциативным мышлением, организованным по типу разговора и требующим наименьших психических усилий. Можно добавить, что ТВ обеспечивает трансляцию культурных ценностей в форме, удобной для подражания, поставляя культурные образцы поведения. М. Кастельс пишет: «В урбанизированных обществах просмотр телевизионных программ представляет собой вторую крупнейшую категорию деятельности после работы... <...> СМИ, особенно радио и телевидение, стали аудиовизуальной окружающей средой, с которой мы непрерывно и автоматически взаимодействуем. Очень часто телевидение прежде всего означает “присутствие” других людей в доме – драгоценное свойство в обществе, где все больше людей живет в одиночестве» [16].

Но эти особенности еще не объясняют всей роли средств массовой информации в обществе, которые формируют наши ценностные стимулы, воздействуют на сознание и поведение: «Наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ» [17]. С 1990-х гг. создается сетевое телевидение, объединяющее кроме государственных кабельные сети, спутниковое вещание, частное платное телевидение, обеспечивающие диверсифицированную специализированную информацию. Это свидетельствует о том, что «налицо эволюция от массового общества к “сегментированному обществу”... по идеологиям, ценностям, вкусам и стилям жизни» [18].

Объединение телевидения с компьютерами создало в дальнейшем интерактивное телевидение, а «сеть Интернет стала в 1990-х гг. становым хребтом глобальной компьютерной коммуникации» [19]. Трудно контролировать или цензурировать Интернет, особенно социальные сети, создаваемые персональными компьютерами. По М. Кастельсу, «мирное сосуществование различных интересов и культур в сети приняло форму “всемирной паутины”... гибкой сети сетей в рамках Интернета, где институты, предприятия, ассоциации и индивиды создают себе собственные сайты, на основе которых каждый, кто имеет доступ, может создать свою “домашнюю страничку”, сделанную из любого коллажа текстов и изображений» [20]. Известная коммерциализация Интернета не смогла нарушить такие его свойства, как интерактивность, индивидуализация и контркультура.

Генезис Интернета связан с элитарной культурой. Как утверждает М. Кастельс, «компьютерная коммуникация начинает свой путь в качестве средства коммуникации для образованного и процветающего сегмента населения самых образованных и зажиточных стран, чаще всего в больших, наиболее развитых метрополисах» [21]. Но постепенно ее аудитория расширилась, охватывая и восточные страны. Увеличиваются функции Интернета, сферы его применения (экономика, наука, политика, образование, общение, сообщения, развлечения, путешествия, виртуальные сообщества, чаты и т. д.). Язык компьютерных коммуникаций обеспечивает и типографское мышление, и рациональный дискурс интеллектуалов, и устную речь, выраженную электронным текстом, и аудиовизуальное мышление с помощью скайпа для привыкших к мультисенсорным формам коммуникации.

Возникает культура «реальной виртуальности». М. Кастельс определяет эту коммуникационную систему следующим образом: *«Это система, в которой сама реальность (т. е. материальное символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом»* [22]. Точнее, в этой системе в опыте смешивается виртуальное и реально существующее. М. Кастельс называет современное общество интерактивным.

Прогнозируя будущее Интернета, автор считает, что «компьютерная коммуникация может стать мощным средством укрепления социальной сплоченности космополитической элиты, обеспечивая материальную поддержку глобальной культуры – от электронного адреса... до быстрой циркуляции модных сообщений» [23]. Тем самым она укрепляет развитие глобализации и ослабляет сохранение национальной культуры и национальной солидарности.

В русле слияния телевизионных и компьютерных коммуникаций возникает система мультимедиа, которая обслуживает всю жизнь человека. Бизнес использует мультимедиа для создания «гигантской электронной системы развлечений», но пользователь (особенно Интернет) проявляет интерес «к использованию мультимедиа для доступа к информации, политической деятельности и образованию» [24]. М. Кастельс выделяет следующие особенности новой коммуникационной системы: «домоцентризм», индивидуализм, глобализм, широкая социальная и культурная дифференциация (что ведет к сегментации тех, кто пользуется ее услугами), социальная стратификация среди пользователей, интеграция всех видов сообщений в общей когнитивной структуре [25]. Создание культуры реальной виртуальности ослабило символическую власть традиционных форм культуры: морали, религии, традиционных ценностей – и завершило секуляризацию общества, начало которой положил Ф. Ницше, внедривший в общественное сознание идею «Бог умер».

М. Кастельс характеризует современность как информационный век, когда культура стала единственной окружающей средой и обрела самостоятельность по отношению к материальной основе своего существования. Это означает, что все формы детерминации социального поведения имеют культурный статус. Позиция М. Кастельса представляется нам слишком оптимистичной, культуроцентрической, не учитывающей того, что культура не избавила ни общество, ни отдельного человека от различных рисков и опасностей. Чем больше человек окультуривает природу и расширяет производство, тем более небезопасной становится его жизнь, что показал У. Бек в работе «Общество риска» [26], где он проанализировал множество модернизационных и цивилизационных рисков. Можно выделить, например, такие риски создания глобальной интернет-культуры, как информационные войны между государствами и кибертерроризм. Но сама концепция общества сетевых структур, созданная М. Кастельсом на основе материалов экономики и культуры 1990-х гг., нам представляется верной, наиболее адекватно описывающей начало того будущего, которое сейчас наступило. Поэтому трудно согласиться со скептическим выводом Р.Н. Абрамова, который утверждает: «Однако не следует забывать, что существуют и другие описания и объяснения окружающей нас реальности. Поэтому желательно избегать соблазна смотреть на нашу эпоху только глазами М. Кастельса» [27, с. 140]. Другое дело, что после написания книги М. Кастельса прошло

восемнадцать лет, и за это время появились работы, развивающие его идеи. Мы по-прежнему живем в обществе сетей. И если раньше социальное поведение детерминировалось социальными институтами и группами, то теперь оно все больше детерминируется сетями.

Вместе с тем концепция М. Кастельса, по нашему мнению, не лишена недостатков. Дело в том, что в странах, которые хотят обеспечить национальный суверенитет, возникают противоречия между властью, стремящейся сохранить национальную культуру, и интернет-культурой, которая инициирует и обеспечивает создание космополитической духовной элиты; между национально ориентированной предпринимательской элитой и космополитической предпринимательски-финансовой элитой, интересы которой интегрируют ее в западное общество; между народом, ориентированным на национальную экономику и культуру, и космополитическими элитами в области духовной культуры и экономики. В будущем эти противоречия должны потерять свою остроту в связи с тем, что усиливается тенденция к созданию многополярного мира, которая должна привести к ослаблению глобализации и замене блочных объединений государств разнообразными союзами государств по интересам. Но этот процесс требует значительных усилий со стороны государств, полных решимости построить многополярный мир, проведения большой работы внутри самих этих государств, направленной на ценностную и социальную переориентацию их космополитических элит. К сожалению, эту вторую тенденцию создания многополярного мира М. Кастельс не усматривает и не анализирует. Он остается «певцом» информационного капитализма в том его виде, в каком он существует в настоящее время.

Ссылки:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php (дата обращения: 10.12.2016).
2. Кастельс М. Могущество самобытности. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / ред. В.Л. Иноземцев. М., 1999.
3. Кастельс М. Информационная эпоха ...
4. Там же.
5. Кастельс М. Могущество самобытности ...
6. Бек У. Общество риска [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html#0 (дата обращения: 10.12.2016).
7. Кастельс М. Могущество самобытности ...
8. Там же.
9. Кастельс М. Информационная эпоха ...
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3 (215). С. 133–140.
15. Кастельс М. Информационная эпоха ...
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Бек У. Указ. соч.
27. Абрамов Р.Н. Указ. соч. С. 140.

References:

- Abramov, RN 2002, 'Network structures and the formation of information society', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 3 (215), pp. 133-140, (in Russian).
- Beck, U 2016, *Risk Society*, viewed 10 December 2016, <http://royallib.com/read/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html#0>, (in Russian).
- Castells, M 2000, *The Information Age: Economy, Society, Culture*, Moscow, viewed 10 December 2016, <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php>, (in Russian).
- Castells, M & Inozemtsev, VL (ed.) 1999, 'The power of identity. Becoming society networks', *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade*, Moscow, (in Russian).